

АННЕНКОВ А. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АННЕНКОВ Алексей Владимирович, родился в 1876 в селе Троицкое Нижегородской губ. (дед, декабрист Анненков Иван Александрович; отец Анненков Владимир Иванович, председатель Самарского окружного суда). Получил домашнее образование, затем учился в гимназии в Самаре (товарищ Пешковой Е. П. «по детским играм»). Получил начальное образование. До революции владел имением в селе Скачки Пензенского округа. 12 ноября 1929 — арестован за «антисоветскую агитацию», 21 декабря приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Котласский лагерь¹.

В январе 1930 — в ПКК обратилась за помощью его жена, Матрена Михайловна Анненкова.

<12 января 1930>

«В Комитет помощи политическим заключенным

Заявление

От Матрены Михайловны
Анненковой

Я дочь рабочего шахтера Донбасса Михаила Алексеевича Изюменко, жена Алексея Владимировича Анненкова, настоящим прошу рассмотреть мое заявление о ниже следующем. Мой муж Алексей Владимирович Анненков в настоящее время находится в числе политических заключенных в городе Пензе, Самарского округа, ввиду чего прошу рассмотреть то, что Алексей Владимирович является внуком известного декабриста Ивана Александровича Анненкова, который отбыл в каторге 12 лет и плюс на ссылки 12 лет, всего 24 года, а отец Алексея Владимировича, Владимир Иванович был председателем Самарского суда при царском времени, скрывал политических заключенных. В том числе у него был на службе Владимир Ильич Ленин, о чем узнав, царь Александр III и наказал Владимира Ивановича тем, что отказал ему в приеме к себе, ранее был назначенным. Часто бывал у Владимира Ивановича, отца моего мужа, так же пролетарский писатель М. Горький, который может засвидетельствовать в отношении политического уклона родителя моего мужа.

Мой же муж, имея одну ногу, и глухой человек, совершенно неспособный человек, обвиняется как политически неблагонадежный человек, бывший дворянин, помещик села Скачки Мокшонского района Пензенского округа, и в настоящее время сидит в Исправдоме г<орода> Пенза, но я прошу разобрать их биографию, т<ак> к<ак> его род был активные революционеры, а муж мой всегда стремился за дело революции, но в виду калеки, т<ак> к<ак> он без ноги и глухой, не может быть активным. Несмотря на то, что за деятельность и преданность делу революции его родителей и дедушки, страдавшего в Петропавловской крепости и на каторге, за что его родня в настоящее время получавшие пособие, мой же муж, сын и внук революционеров, страдает в Исправдоме совершенно невинно, наоборот, активно сочувствующий делу пролетариата.

Я прошу Комитета обратить внимание и дать возможность к более свободному существованию, причем, Алексей Владимирович совершенно напрасно обвиняется в политической неблагонадежности, наоборот, у него, вернувшись с ссылки (3 года политически пострадавшая, бывшая в

¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

боевой дружине, за что была на ссылке) Екатерина Дмитриевна Константинова жила у Алексея Владимировича, несмотря на то, что со стороны других помещиков были нарекания. Еще раз прошу рассмотреть выше указанное и дать возможность ему к существованию.

За неграмотную Анненкову расписалась ученица Л. Маляева»².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой: «Запрашивая, указать О<собому> СО<вещанию> указанные заслуги лица. ЕП. 23/1».

В декабре 1930 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью сам Алексей Владимирович Анненков.

<14 декабря 1930>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Только что написав в Москву в Союзный Совет политкаторжан и ссыльных поселенцев просьбу помочь моему досрочному освобождению для облегчения моей участи, я решился беспокоить Вас просьбой о поддержке как в том случае, если Вы состоите председательницей означенного Общества, так и в том случае, если Вы стоите во главе другой организации, пользующейся славой среди заключенных. Я прошу Вас о ней не как внук известного декабриста, а как тот гимназист, который когда-то, не будучи инвалидом, у которого отнята нога по колено, и сосланным в Котласский концлагерь сроком на три года по 58-й и уже отсидевшим 13 месяцев, больным и слабым и едва ли способным к труду. Когда-то, повторяю, в г<ороде> Самаре у Самойловых был Вашим товарищем по детским играм. Разошедшиеся с того времени пути наши по этой открытке начинают соприкасаться, объективно выражаясь, потому что вызваны страданиями одного и добрым именем другого! Так в жизни, видимо, бывает, и я умышленно выразился "начинают", надеясь на благоприятные последствия, которые конечно, не от Вас одной зависят. Но вспомнив о Вашем добром имени и не имея такового, я заканчиваю свою открытку тем, что если Вы когда-либо слышали обо мне (в особенности, о моей неудачной молодости, ибо ведь многое протекало в Самаре), то признаюсь, что, как бы я ни был плох, я не был таковым до такой степени, чтобы быть собой довольным, а это, вероятно, и есть то, что извиняет людские слабости, и что дает мне право уверить Вас, что если бы даже Вы были того мнения, что не все заключенные достойны помощи, то можете, без риска, помочь мне. Вот и все. Почтительный Анненков»³.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 429. С. 336-337. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 663. С. 3. Автограф.